

И. Ф. Девятко

«Человек должен самому себе и Творцу»

Инна Феликсовна Девятко — доктор социологических наук, ординарный профессор, заведующая кафедрой анализа социальных институтов НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, руководитель отдела теории и истории социологии Института социологии ФНИСЦ РАН. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 11., каб. 333. **Электронная почта:** deviatko@gmail.com.

Аннотация: О периоде работы Геннадия Семёновича Батыгина в Институте книги и его возвращении в Институт социологии РАН при Владимире Александровиче Ядове рассказывает непосредственный участник событий, соавтор Геннадия Семёновича, известный социолог Инна Феликсовна Девятко. Личное интервью проведено О.Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, Институт книги, история российской социологии, методология измерения

Для цитирования: Девятко, И. Ф. «Человек должен самому себе и Творцу» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. 2023. Т. 1. № 2. С. 50–57.

Ваша совместная с Геннадием Семёновичем статья «Миф о качественной социологии» [Батыгин, Девятко, 1994.] и сегодня знаменита среди коллег и воспринимается как настоящая инвектива — остро.

Это не единственное, что мы сделали вместе, и, может, не самое важное.

Как состоялось ваше научное знакомство?

Сначала мы, наверное, просто познакомились, я, конечно, про Геннадия Семёновича что-то слышала, но книга его только готовилась к выходу и работ его я не читала. Обстоятельства первой встречи были очень просты: у нас оказались общие знакомые, приятели, в частности, Сергей Палладиевич Стародубцев, с которым мы проводили исследование в области искусствометрии — это была моя курсовая работа на 4-м году обучения в МГУ. Мы проводили шкалирование отдельных картин, в том числе на выставке Пушкинского музея, измеряли эстетические установки — по тем временам это казалось довольно необычным, сегодня нечто подобное делалось уже неоднократно. И когда курсовая была закончена, Стародубцев Сергей Палладиевич заметил, что из неё можно сделать статью. С одной из версий этой статьи он меня как раз и отправил к Геннадию Семёновичу, которого хорошо знал: до «развода» психологов и философов в МГУ на разные факультеты они учились вместе, потом — параллельно, но всё равно приятельствовали. Тогда был жив Анатолий Георгиевич Харчев, поэтому Батыгин оставался заместителем главного редактора «Социологических исследований» и я пришла к нему на Кржижановского. Мы легко обрели взаимопонимание: у нас было сходство психологических профилей и лёгкое интеллектуальное общение. Он мне сразу предложил поступать к нему в аспирантуру, но, во-первых, у меня было приглашение кафедры, а во-вторых, путь в науку в моём случае имел свои изгибы — о чём ещё скажу, в общем, я отказалась. Он высказал какие-то свои замечания по статье, мы очень мило побеседовали и наш с Сергеем Палладиевичем текст был опубликован в «Социсе» [Стародубцев, Девятко, 1984].

Ну а потом я совершила неожиданный трюк: уехала из Москвы на какое-то время. Мой муж получил распределение после учёбы, с этим тогда было строго, и я оказалась сначала в Орджоникидзе (ныне Владикавказе) — там у меня появился ребёнок и там я продолжила занятия социологическими исследованиями. Когда мы в 1988 году, наконец, вернулись в Москву, я спросила совета у Сергея Палладиевича: куда бы мне выйти на работу? И тот сразу вспомнил про Геннадия Семёновича. В жизни Батыгина к тому моменту произошли радикальные изменения — не буду вдаваться во все детали, но он стал заместителем директора Института книги. Это всё было очень

необычно, и он предложил мне немедленно приступить к работе, войдя в небольшую исследовательскую группу с Сергеем Серафимовичем Шведовым во главе, в отделе исследований книги и чтения. Там трудилось много замечательных людей, каждый из которых заслуживал бы отдельного рассказа, но атмосфера оставалась сложной. Институт являлся частью Книжной палаты — не знаю, говорит ли вам это о чём-то, поскольку Книжная палата, к сожалению, это утраченное нами учреждение: если бы оно не было в своё время уничтожено, возможно, мы имели бы полноценные библиографические указатели цитирования, усовершенствованную и непрерывную «Летопись журнальных статей», а не РИНЦ и всё прочее. Там проводились крупные исследования про чтение в СССР, тем более что на дворе была перестройка и тема казалась актуальной. И вот, я начала там работать, мы очень по-дружески общались с Геннадием Семёновичем, несмотря на разницу в возрасте. Вокруг было много друзей: интересное время, интересные люди...

Когда вы перешли вслед за Батыгиным в Институт социологии?

Уже в следующем году, в конце весны 1989 года в Институте социологии состоялись выборы, на которых победил Владимир Александрович Ядов, и тот, конечно, немедленно пригласил Батыгина к себе. У Геннадия Семёновича сложились напряжённые отношения на текущей работе: Книжная палата, особенно Институт книги, были прибежищем для мятущихся душ и диссидентов — опять же, у этого имелись свои причины, в которые я не буду вдаваться, но Геннадий Семёнович и в этом кругу оставался очень автономным и самостоятельным, не стал близок руководству Института, в том числе директору — тоже по-своему прекрасному человеку, но совершенно другого, нежели Батыгин, склада. Поэтому, конечно, Геннадий Семёнович обрадовался предложению Ядова и легко согласился. Хотя, хочу заметить, за то малое время, что мы проработали в Книжной палате, мы успели там организовать журнал «Ex Libris», в который я подготовила статью — то ли один номер вышел, то ли два, библиографическая редкость, одним словом. А ещё Батыгин убедил меня не восстанавливать соискательство на психфаке, где меня ждали, а быстренько-быстренько защититься по книжному делу — смешно даже вспоминать, тем более что вскоре жизнь так переменилась...

В общем, к осени 1989 года Геннадий Семёнович как-то обустроился в Институте социологии и пошёл к Ядову: хлопотать, чтобы меня взяли в штат. С этим были какие-то напряжения, главное из которых обуславливалось тем, что я киевлянка, мой муж — не москвич, поэтому у меня тогда имелась только временная прописка, которую нужно было всё время возобновлять, а в ту пору ещё действовал первый отдел и так далее. Геннадий Семёнович любил широкие жесты,

сказал, что повесится у Ядова в приёмной — понятно, что в шутку, но, в общем, надавил и меня устроили. Поначалу мои сложности с пропиской как-то обошли с помощью отдела кадров, а потом и времена изменились.

Чем запомнился вам новый период совместной работы?

Когда я поступила в Институт социологии, мы с Геннадием Семёновичем стали работать как минимальная социальная группа — вдвоём. У каждого из нас была своя тема: я со студенческих времён на факультете психологии имела интерес к исследованию измерения в социальных науках, Батыгин уже выпустил свою книгу «Эмпирическое обоснование теоретического вывода», много времени посвящал теории и методологии. И вместе с тем, у нас оказалось много пересекающихся интересов в области философии, культурологии — что-то он мне впервые открывал, что-то я ему показывала, имея отличный от него бэкграунд. Он же мне придумал тогда тему диссертации — про эволюцию идеи измерения: сначала она показалась мне слишком пафосной, я её скорректировала, но в итоге эта работа превратилась в мою первую книжку. В таком составе мы работали в отделе Юрия Николаевича Давыдова, который был вновь возрожден при Ядове, в секторе теории и истории социологии. Я довольно быстро написала диссертацию, но долго ждала её защиты: началась какая-то сложная эпоха раздела Института. Чем больше мы работали с Геннадием Семёновичем, тем больше у нас возникало пересекающихся тем: в области истории российской социологии, в области методологии — отсюда и берёт истоки та самая статья «Миф о качественной социологии». По сути, это некое заключение к моей диссертации, возникшее в процессе превращения её в книжку, Геннадий Семёнович предложил из него сделать статью, довольно серьёзно переработал текст — отдельного внимания заслуживает то, как он вообще работал над текстами — в общем, он переструктурировал моё заключение, добавил важные детали, изменил его в тональности и получилась статья.

Мы с ним часто сидели в Ленинской библиотеке, в разных архивах — в том числе на Старой площади, в архивах Академии наук. Читали-писали. И постепенно у нас появилось довольно много статей (см., например: [Батыгин, Девятко, 1993а, 1993b, 1993с, 1993d, 1993е; Batygin, Devyatko, 1994а, 1994b]).

Потом я как-то обособилась и ушла в свободное плавание, вернувшись в отдел Давыдова, мы вместе не работали какое-то время. И ближе к кончине Геннадия Семёновича у меня возникла мысль, что, может, снова начнём вместе работать. Все нелепые трения, которые случались, остались в прошлом, но тут Геннадий Семёнович, к сожалению, скончался.

Это стало неожиданностью для всех, его знавших?

Были разные предпосылки, которые указывали на возможность такой ранней гибели, но верить им, конечно, не хотелось. У него ведь случались ранние инфаркты, кроме того, в детстве был период, когда за его здоровье очень волновались. Потом, он переживал несколько тяжёлых жизненных моментов, включая то время, когда мы с ним тесно ещё не общались: он просто очень любил помогать людям — был у него такой очаровательный пунктик. Иногда, с моей точки зрения, это обходилось ему очень дорого, он помогал в ситуациях, которые стоили ему много крови, и этот стресс во многом способствовал второму инфаркту. И вот то, что потом случилось — это вопрос, я не хочу это комментировать, но, может быть, живи он в это время как-то иначе, больше заботясь о себе, может... Весной, которая предшествовала этому, было ощущение, что мы снова сможем доверительно и дружески общаться, даже работать вместе. Но внезапно случилось то, что случилось.

Вы упомянули, что стоит рассказать чуть подробнее, как именно Геннадий Семёнович работал с текстами. Можем вернуться к тому, как он повлиял на ваш научный стиль и профиль?

Это действительно замечательно: я не видела большой разницы между психологией и социологией, имея преимущественные интересы в области психологии, но Батыгин мне позволил понять, что именно сделали социологи в методах измерения, и показал, как устроен причинный вывод в социальных науках. Я что-то знала об этом, но он показал мне вклад Пола Лазарфельда и его учеников, что отражено и в моей первой книжке [Девятко, 1993] — в таком ракурсе без него я бы этого всего не увидела. Это на меня повлияло.

И конечно, на меня повлияла его манера работать. Она отчасти связана с его натурой — я сама немножко перфекционист, но Батыгин имел одну особенность: он был человеком мягким, в общении с людьми иногда даже чрезмерно мягким, но при этом имел очень твёрдый навык не только редактирования (чужие тексты мы все горазды править), но и саморедактирования. Я когда-то рассказывала, но всё же повторю: мы не сразу стали писать научные статьи, поначалу просто общались, Батыгин давал какие-то советы, но над общим проектом мы не трудились. Социология в то время вообще являла прекраснейшее зрелище: представители нашего цеха на фоне Перестройки стали расплзаться, искать для себя возможные жизненные позиции, аватары, интересы — отчасти и вынужденно. А мы с Батыгиным каким-то образом оказались людьми, которые воспользовались случаем, чтобы реализовывать свои сугубо интеллектуальные интересы. Ранее это было сделать куда сложнее: ещё до моего прихо-

да в Институт — о чём я слышана — стиль руководства отличался бюрократизмом, нужно было расписываться, отчитываться, уходя в библиотеку и т. д. А мы уже сидели в Ленинке с утра до ночи, никто не пытался определять наш научный поиск, руководить нашими интересами, чтением, разговорами с другими людьми. В свободной анархической атмосфере легко работать, но вместе с тем, легко и утратить контроль над собой. Когда мы стали вместе писать статьи, это был самый конец 80-х — начало 90-х годов, персональные компьютеры ещё не появились в широком доступе. Конечно, у нас уже был какой-то опыт работы с ними, но не было их в личной собственности, даже в Институте первый компьютер появился очень поздно, а до того всё печатали на машинке. И вот здесь стоит рассказать, как это выглядело. Я что-то напечатала, Батыгин берёт мой текст, читает, думает, уходит домой. На следующий день или через день он приносит отредактированный вариант: это бумажка, которая вся состояла из разрезанных и заново склеенных полос. То есть он резал мой текст, клеил заново, вставлял собственные напечатанные кусочки и т. д. Причем иногда правка была — ну какие-то сушие стилистические мелочи: где-то там транслитерация, которая ему не нравилась («Это звучит так, как будто вы говорите с турецким акцентом...»). Любая мелочь: стилистическая, лексическая — была поводом для правки, как в моём тексте, так и, разумеется, в собственном. Это на меня подействовало заразительно, я стала и к своим текстам несколько придирчивее относиться. Надеюсь, я это сохранила в какой-то мере. Не знаю, смогла ли передать, как мы работали...

Какие мысли, идеи Батыгина и сейчас, спустя двадцать лет, кажутся вам ценными?

То, что написано Геннадием Семёновичем в области методологии, истории социологии — не имеет аналогов. Скажем, так, я не видела аналогов ни на русском, ни на английском, ни на немецком языках. Другое дело, что, может быть, в то время, когда он работал, ещё не было аудитории, готовой воспринять его идеи... А сейчас маловероятно, чтобы кто-то из молодых исследователей решил вдруг перечитывать статьи 90-х годов, хотя стоило бы, потому что идеи Батыгина, связанные с обоснованием научного вывода, причинами крайней неустойчивости социологических законов — абсолютно актуальны. Когда мы познакомились с Геннадием Семёновичем, он ещё особенно не преподавал, были эпизодические лекции в обществе «Знание», и то — скорее чтобы подзаработать. Первые систематические занятия он стал вести, когда в Институте социологии появились курсы повышения квалификации. Однако и до того, и после абсолютно всем, кто ему попадался по дороге: молодым коллегам, соискателям, аспирантам — он всегда был готов предоставить неограниченный объём своего

времени, давая советы, предлагая источники, работая вместе над их текстами. Он вложился в это как никто. Не знаю, я боюсь сказать что-то лишнее... мне кажется, что он иногда чересчур во всё это вкладывался. Я могу такие примеры привести... Понимаете, у него были всякие аспиранты, помимо меня, некоторые даже по-русски плохо говорили, и он за них, фактически, писал работы. И мне очень жаль этого его времени. Я понимаю, что эти вложения личного времени в социологическое сообщество подчас затмевают интеллектуальное новаторство Батыгина в чьих-то глазах. Наверное, он сам считал это правильным. Я вижу, что, преподавая в Шанинке, он на многих замечательных молодых социологов оказал большое влияние. Наверное, более циничный человек сказал бы, что нужно знать, на кого тратить своё время, а на кого — нет, но Батыгин мог понять и принять практически любого человека, в том числе очень экстравагантных персонажей, и каждому, кого даже просто «занесло» в социологию, помогал найти в ней что-то своё.

Да, об этой его преданности профессии и шире — социологическому цеху — очень многие говорят как о самом замечательном качестве Батыгина.

Тут многое решал ещё и личный пример. Как он работал? Я бы сказала, что он был адским трудоголиком, совершенно беспощадным к себе; я не ленива, но не могу себя сравнить с ним в этой склонности даже не к аскезе, а к уничтожающему все свои ресурсы труду. Как только появилась возможность работать, когда ушла эта давящая атмосфера административных революций, словом, когда все отстали (Ядов был в этом смысле идеальным начальником), Батыгин воспрял: началось золотое время его жизни, можно было работать в библиотеке до вечера. В тот период я ещё курила, поэтому, сидя в Ленинке, мы иногда выходили покурить, попить кофе, там был свой интеллектуальный пейзаж, свои завсегдатаи, с которыми мы общались, но в основном Батыгин сидел как прикованный и неустанно работал. Чтобы изучить тему, которую он не знал или не понимал раньше, он был готов зарыться в такие глубины, потратить такое количество сил, которые сложно себе представить. Далеко не всегда из библиотеки мы выходили вместе: он часто засиживался допоздна и не искал себе другого досуга. Скажем, он вообще очень любил читать, был настоящий книгоед, книжный червь — мы в этом отношении похожи: интересуемся любыми текстами. Но когда я его знала, он старался не тратить времени на художественную литературу. Она была ему интересна, но он будто испытывал какую-то неловкость, немножко стеснялся обсуждать то, что не имело прямого отношения к его работе — такова была концентрация на деле.

Преданность делу имела свой этический императив?

Я думаю, у него было какое-то сознательное решение, понимание, что человек должен самому себе, Творцу — ограничивать себя, не быть эгоцентричным. И поэтому же он всегда старался говорить людям то, что думает. Окружающие часто воспринимали прямоту Батыгина как личные нападки — и сколько вздора я потом слышала по этому поводу! Ведь он потом этим же людям — и до, и после того, как правдиво отозвался об их работе, — помогал, делал для них то, что никто бы для них не сделал, но помнили они ему какую-то фразу, какую он им из принципиальных соображений не мог не сказать... Вот он был такой человек. Он отлично понимал людей, не могу сказать, что он был наивен или донкихотствовал — он был человеком с высоким социальным интеллектом, вглубь видел на три метра. Но у него желание помогать людям соседствовало с потребностью говорить правду в научном споре (я, кстати, не помню, чтобы в житейском смысле он сказал что-то бестактное), и такую сложность не все могли понять. Но, во всяком случае, мне эти принципы Батыгина точно могли не относиться к себе сугубо эгоцентрично.

Литература

1. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Еврейский вопрос: хроника сороковых годов. Часть первая // Вестник Российской академии наук. 1993а. Т. 63. № 1. С. 61–71.
2. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Еврейский вопрос: хроника сороковых годов. Часть вторая // Вестник Российской академии наук. 1993б. Т. 63. № 2. С. 143–151.
3. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Маневры на философском фронте // Человек. 1993с. № 11. С. 99–116.
4. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Советское философское общество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской академии наук. 1993д. Т. 63. № 7. С. 628–639.
5. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Пятый пункт основного вопроса философии: эпизод сороковых годов. Эпизоды 1940-х годов // Человек. 1993е. № 3. С. 109–118.
6. **Батыгин, Г. С., Девятко, И. Ф.** Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
7. **Девятко, И. Ф.** Диагностическая процедура в социологии: Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993.
8. **Стародубцев, С. П., Девятко, И. Ф.** Социология и искусствометрия: опыт измерения эстетических установок // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 103–108.
9. **Batygin, G., Devyatko, I.** The case of professor Z. I. A. Beletskii: An episode from the history of soviet philosophy // Russian Studies in Philosophy. 1994b. Vol. 33. No. 2. P. 73–96.
10. **Batygin, G., Devyatko, I.** The soviet philosophical community and power: Some episodes from the late forties // Studies in East European Thought. 1994a. Vol. 46. No. 3. P. 223–245.